Голос его хозяина

Ханну Райяниеми

SHOUT
SHARE
IT

•

Перед концертом мы успеваем украсть голову Хозяина.

Некрополь похож на темный лес конкретно вставляющих грибов в синеве антарктической ночи. Мы прячемся внутри туманного пузыря, закрепленного на отвесной южной стене ледяной долины – *нунатака*. Кот умывается, невозмутимо облизывая лапы розовым язычком. Это требует поистине безграничного терпения.

– Не отвлекайся, – говорю я. – Мы не можем проторчать тут всю ночь.

Удостоив меня полного мягкой укоризны взгляда, он наконец облачается в броню. Фабрикаторы квантовых точек растягивают ее по гибкому телу, как слой наделенного разумом масла. Кот довольно мурлычет и испытывает покрытые алмазной крошкой когти на ледяной сосульке, свисающей со скалы. Произведенный ими звук заставляет мои зубы вибрировать, а где-то глубоко в кишках пробуждаются бабочки с лезвиями вместо крыльев. Я разглядываю светлую непроницаемую стену города мертвецов. В режиме дополненной реальности заметно, как над ней посверкивает нечто подобное ожерелью из северных сияний.

Я решаю, что Большой Собаке пора бы и завыть.

Лазер, укрепленный на моем шлеме, испускает в индиговые небеса вспышку света продолжительностью не более одной наносекунды: вполне достаточно, чтобы передать один квантовый бит информации в Глушь. Мы ждем. Мой хвост хлещет меня по бокам. В глотке нарастает низкое рычание.

Точно по расписанию красный фрактальный узор опускается с небес, словно кровавый дождь. Режим дополненной реальности отключается: зрение бессильно справиться с лавиной информации, несущейся на файервол некрополя подобно муссонному ливню. Ожерелье из северных сияний вспыхивает в последний раз и гаснет.

– Давай! – кричу я, дикая радость поднимается во мне, радость, следующая по стопам Малышки из моих снов. – Сейчас!

Кот прыгает в пустоту. Крылья его брони раскрываются и ловят ледяной ветер, делая его похожим на ухмыляющегося китайского воздушного змея. Он дает нижнюю тягу.

Трудно сейчас вспомнить, когда все это началось. Тогда еще не было слов, только звуки волн, набегающих на понтоны, и запахи металла и извести. В мире насчитывалось всего три прекрасных вещи: моя миска, да еще Мяч, да еще рука Хозяина у меня на загривке.

Я теперь знаю, что Место было всего лишь старой буровой вышкой, которую когда-то купил Хозяин. Она дурно пахла в день нашего прибытия – воняла нефтью и реактивами. Но там было много потайных мест, секретных лазов и щелей. Еще там была посадочная площадка для вертолетов, по которой я бегал за Мячом по приказу Хозяина. Мяч не раз падал в море, а роботы Хозяина, больше всего походившие на металлических мух, всегда приносили его обратно, если я не мог сделать этого сам.

Хозяин был богом. Когда он гневался, его голос был как невидимая плеть. Его запах был запахом бога, переполнявшим мир. Когда он работал, я лаял на чаек или гонялся за котом. Мы враждовали, несколько раз дело доходило до стычки, и каждый раз несколько болезненных царапин появлялись на кончике моего носа. Темные уголки вышки принадлежали коту, а я предпочитал места, открытые ветру и небу; во владениях Хозяина он был Гадесом, а я – Аполлоном.

Однако по ночам, когда Хозяин смотрел старые фильмы или ставил музыку на своем старом проигрывателе, мы лежали у его ног вместе. Иногда от Хозяина пахло одиночеством, и тогда мне позволялось спать рядом с ним в его маленькой рубке, свернувшись клубком в тепле и благоговейно вдыхая пропитанный божественными запахами воздух.

Это был очень маленький мир, но ничего другого мы не знали.

Хозяин почти все время отдавал работе, его пальцы порхали над голографической клавиатурой, спроецированной на стол из красного дерева. Чем дальше, тем чаще, в конце концов почти каждую ночь, он уединялся в Комнате, единственном месте, куда мне не разрешалось входить. Кажется, что примерно в те же дни я начал видеть сны, в которых мне являлась Малышка. Я до сих пор отчетливо помню ее запах, волнующий и неописуемый, иногда непереносимый: от нее пахло старыми костями и бегущими кроликами. В этих видениях я сперва выслеживал ее на песчаном пляже, но неверная цепочка отпечатков ее лап уводила меня все дальше и дальше по кривым дорожкам и травянистым лугам. Мне так ни разу и не удалось увидеть ее дольше, чем на долю секунды: она всегда была белым сполохом где-то на периферии моего поля зрения. И однажды настал день, когда она заговорила со мной.

– Иди, – молвила она. – Иди и учись.

Остров Малышки был полон затерянных мест. Там были лабиринтоподобные пещеры, точки и линии на песке, которые превращались в слова, стоило мне приглядеться, а еще запахи, которые напоминали мне старые записи с грампластинок

Хозяина. Она обучала меня. И я учился. Каждый раз пробуждение от этого странного сна было все более *полным*. И когда я заметил, что кот как-то по-новому наблюдает за тропами робопауков, мне стало ясно, что у него тоже есть такое место, куда он уходит по ночам.

Постепенно я стал понимать речь Хозяина. Звуки, что сперва означали только гнев или удовлетворение, превратились в слова бога. Он заметил это, но только усмехнулся и взъерошил мою шерсть. Теми долгими вечерами, когда до самого горизонта море было черным, как нефть, а вся вышка под порывами ветра звенела, как колокол, он стал говорить с нами все больше и больше, со мной и с котом. Его голос тоже был темным, но глубоким и нежным. Он рассказывал нам о своем доме, об острове в бескрайнем море. От него пахло горечью. Тогда я впервые постиг, что существуют такие вещи, о которых нельзя поведать иначе, нежели непроизносимыми словами внутри слов.

Кот со своей задачей справляется мастерски: зависает в воздушной струе на долю секунды, затем приземляется на верхушку башни. Его когти отстукивают маскировочный код, из которого башня делает вывод, что это всего лишь пташка небесная или обломок льда, занесенный сюда ветром.

Кот шипит и роняет на плиты немного слюны. Нанороботы выпрыгивают из его пасти и принимаются выедать круглое отверстие в стене. Ох уж эта пытка ожиданием.

Кот активирует экзоскелет брони и осторожно пробует стену на ощупь. Под его лапой беззвучно возникает круглое отверстие с обгрызенными краями, и он протискивается внутрь. Мое сердце бешено колотится, я переключаюсь на обзор в режиме дополненной реальности с камер, вмонтированных в радужки кота. Он молнией несется по вентшахте, ловко и неслышно, как акробат, его движения ускорены так, что метаболизм уже на пределе выносливости. Я виляю хвостом и думаю: *Уже скоро, Хозяин. Мы идем за тобой.*

В тот день, когда появился Фальшивый хозяин, я потерял свой Мяч.

Я его везде искал. Я извел целый день на то, чтобы обшарить каждый уголок вышки и даже темные коридоры далеко внизу, относившиеся к сфере влияния кота, но так и не нашел Мяча. В конце концов я устал, проголодался и вернулся в рубку управления. А там было двое хозяев. Четыре руки зарылись в мою шерсть. Два бога. Истинный и ложный.

Я заскулил. Я не знал, что делать. Кот посмотрел на меня с жалостливым превосходством и свернулся калачиком так, чтобы

касаться ног каждого.

– Ну-ну, потише, успокойся, – сказал один из Хозяев. – Тише. Нас теперь четверо.

Я постепенно наловчился различать их, скорее благодаря тому, что к тому времени Малышка уже научила меня, как распознавать людей не только по запаху, но и по внешности. Хозяин, которого я помнил, был человеком средних лет, седовласым и склонным к полноте. Новый хозяин оказался юношей, еще не достигшим зрелости, он был значительно тоньше в кости, а лицо его, лишенное всяких эмоций, напоминало маску из красного дерева. Хозяин просил, чтобы я поиграл и с этим пришельцем тоже, а я не хотел. Его запах был слишком родным и в то же время отталкивающим. Было в нем что-то настолько чужое, что я прозвал его в своих мыслях Фальшивым хозяином.

Хозяева стали работать вместе. Они гуляли по вышке и много беседовали друг с другом, используя слова, которых я совсем не понимал. Я ревновал. Однажды я даже покусал Фальшивого хозяина. За это меня посадили под палубу на всю ночь и не выпустили, даже когда пришла буря и загремел гром, которого я очень боялся. Кот же только и знал, что ластиться к Фальшивому хозяину, и я возненавидел его за это.

Я помню тот вечер, когда хозяева впервые повздорили.

– Зачем ты это сделал? – спросил Фальшивый хозяин.

– Ты знаешь ответ, – сказал Хозяин. – Ты должен помнить. – Он помрачнел. – Кто-то должен рассказать Им, как мы устроены. Как мы управляемся с собой самими.

– И ты выбрал меня для этих опытов? – спросил Фальшивый хозяин. – Это ты имеешь в виду?

– Да нет, – ответил Хозяин. – Почему ты так решил?

– Некоторые так и считают. Возьми генетический алгоритм и скопируй себя десять тысяч раз. С незначительными случайными отклонениями. Получишь ансамбль виртуальных копий, каждая из которых будет новым приближением к твоему идеальному сыну. К единственному существу, которого ты способен любить. Прогони программу до переполнения буфера. Воплоти результаты. Ты знаешь, что это наказуемо. Это преступление.

– Это не соответствует воззрениям Полчищ, насколько я знаю. Впрочем, это моя страна. Здесь действуют мои законы.

– Ты слишком много общался с Полчищами. Ты забыл, что Они больше не люди.

– Твои речи сделали бы честь робопиарщикам «ВекТеха».

– Я всего лишь повторяю твои собственные слова и ошибки. Ты уверен, что поступил правильно? Я не Пиноккио, а ты не Джепетто.

Хозяин надолго умолк.

– А что, если так оно и есть? – сказал он наконец. – Что, если нам нужны Джепетто? Никто и так больше не создает ничего нового, – может, стоило бы одушевить пару деревянных кукол и посмотреть, что из этого выйдет? Когда я был молод, мы думали, что идем прямиком в Страну Чудес. Небо в алмазах. Боги из машин. Чудеса. Но сказочка получилась какая-то грустная.

– Я не то чудо, которого ты ждал.

– Нет. Именно то.

– Ты мог бы по крайней мере перевоплотиться в женщину, – сказал Фальшивый хозяин, и голос его был как лезвие ножа. – Фрустрация была бы не так сильна.

Я не слышал пощечины, но почувствовал ее. Фальшивый хозяин тонко закричал, отлетев назад и почти натолкнувшись на меня. Хозяин приказал ему убираться. Его губы шевелились, но слов я не слышал. Я попробовал отвлечь его и тихонько заскулил, но он, даже не глянув на меня, удалился в рубку и запер дверь. Я поскребся в нее, но он не открывал. Тогда я спустился под палубу и вернулся к прерванным поискам Мяча.

И наконец кот находит погребальную палату Хозяина.

Этот зал полон голов. Они парят в пустоте, отделенные от туловищ, заточенные в алмазные цилиндры. Компьютер башни повинуется командам, которые мы отдаем его одурманенной нейронной сети: один из цилиндров начинает посверкивать. Синее мертвое лицо проступает из алмазных глубин. Я тихонько скулю: *Хозяин… хозяин…* Но я понимаю, что на самом деле это не хозяин. *Еще нет.*

Коту в его экзоскелете ничего не стоит добраться туда. Он разрезает псевдоинтеллектуальное покрытие, как мыльный пузырь.

– Да осторожнее же, дубина, – шепчу я.

Кот огрызается, но в дальнейшем осторожничает, тщательно обрызгивая голову защитным наноспреем и аккуратно перенося ее в гель-контейнер. Некрополь тем временем просыпается: урон, причиненный хакерами с небес, почти возмещен. Кот загружает в память маршрут эвакуации и возвращается в режим ускоренного времени. Я слышу бешеное стаккато его сердца по сенсорной связи.

Настало время фейерверков. Я затемняю глаза поляризаторами и, крякнув, поднимаю гауссов пускатель. Благословенны будьте в веках, отзывчивые души русских взяточников.

Я опускаю тумблер. Пускатель дрожит в моих лапах, и

кодированная очередь световых импульсов выстреливает в небеса. Ядерный эквивалент заряда невелик, он вряд ли дотягивает даже до декатонны, поскольку устройство снаряжалось не плутонием военного качества, а всего лишь изотопом гафния. Впрочем, этого достаточно, чтобы на миг возжечь маленькое солнце над мавзолеем и сгенерировать направленный микроволновой импульс, который в секундной клинической смерти уподобит искусственный разум некрополя его нынешним обитателям.

Вспышка белого света, столь яркого, что он почти ощущается физически, как внезапный удар. Ущелье кажется в этом свете выточенным из слоновой кости. Мои уши переполняет белый шум, похожий на шипение разъяренного кота.

Для меня запахи – это не просто ощущения, это моя реальность. Я теперь знаю, что это утверждение не столь далеко от истины: запахи порождаются молекулами, образ которых воспроизводят.

У Фальшивого хозяина был неправильный запах. Это меня и насторожило: почти божественный запах, но не совсем. Запах падшего божества.

В конце концов так и случилось: он пал.

Я спал на старой хозяйской кушетке, когда это случилось. Я проснулся от звука крадущихся шагов и тяжелого дыхания, бесцеремонно вырванный из сна, в котором Малышка учила меня таблице умножения. Фальшивый хозяин посмотрел на меня.

– Тс-с-с, – прошептал он. – Тс-с-с.

Мне захотелось облаять его, но запах бога был все еще слишком силен. Я просто приподнял хвост – слабым, неуверенным движением. Фальшивый хозяин присел рядом и равнодушно потрепал меня за ушами.

– Я тебя помню, – сказал он. – Я догадываюсь, почему он сделал тебя таким. Ожившие воспоминания детства, а?

Он улыбнулся, и его запах сделался дружелюбнее, чем когда бы то ни было прежде.

– Я знаю, что это за чувства.

Потом он тяжко вздохнул, встал и поплелся в Комнату. Я понял, что он или сделал, или собирается сделать что-то плохое, поэтому отчаянно завыл.

Хозяин проснулся, и когда Фальшивый хозяин вышел обратно, он уже ждал его.

– Что ты натворил? – спросил Хозяин, лицо его было белее мела.

Фальшивый хозяин покосился на него.

– Я совершил в точности то же, что ты сделал со мной. Ты преступник, а я нет. Почему я должен страдать из-за тебя? Я больше не в твоей власти.

– Я мог бы сейчас убить тебя, – сказал Хозяин. Его тон заставил меня заскулить от предельного ужаса. – Я мог бы рассказать им, будто это я сделал звонок. Они бы мне поверили.

– Да, – уронил Фальшивый хозяин. – Но ты не сделаешь этого.

Хозяин кивнул.

– Не сделаю, – сказал он.

Я парю над криобашней в муходроне. Я вижу кота на крыше и позволяю себе радостно гавкнуть. Пока что наши планы полностью оправдывают себя. Я мало смыслю в управлении летательными аппаратами, но лоботомированный мозг демона – пиратская копия летчика-аса двадцать первого века – справится с этим куда лучше. Кот прыгает в кабину, и мы устремляемся в стратосферу на пятикратной скорости звука. Ветер мягко поглаживает кожух дрона, сделанный из квантовых точек.

– Хорошая работа, – говорю я коту и машу хвостом. Он смотрит на меня желтыми раскосыми глазищами и сворачивается клубком на гелевом противоперегрузочном ложе. Теперь моя очередь охранять контейнер. То ли мне это кажется, то ли от него и впрямь исходит слабый запах бога?

С меня сегодня уже семь потов сошло, поэтому я просто прижимаюсь к контейнеру крепко-крепко и засыпаю счастливым, почти щенячьим сном. Впервые за бесчисленные годы я вижу во сне Мяч и Малышку. Они медленно снижаются с баллистической орбиты.

Они явились с неба перед рассветом. Хозяин уже проснулся, спустился под палубу и надел костюм, который, судя по запаху, был совсем новым. Кот лежал у него на коленях и тихо мурлыкал. Фальшивый хозяин сидел рядом, беззаботно закинув руки за голову.

Они прибыли на трех машинах. Машины напоминали крылатых гусениц-сороконожек в черных панцирях. Они летели совсем низко, оставляя на морской глади белопенный след. Рокот их крыльев почти оглушил меня, когда они сели на посадочную площадку.

Одна из гусениц раскрыла панцирь. Оттуда вырвался клок тумана, который бешено закрутился в воздухе и превратился в темнокожую женщину. Женщина ничем не пахла. К тому времени я уже усвоил, что вещи, которые ничем не пахнут, в большинстве случаев представляют серьезную опасность. Я лаял на нее, пока

Хозяин не приказал мне замолчать.

– Господин Такеши, – сказала она утвердительно, – вы знаете, что привело нас сюда.

Хозяин кивнул.

– Вы не отрицаете свою вину?

– Почему же, – сказал Хозяин, – отрицаю. Эта буровая платформа, с технической точки зрения, представляет собой независимое государство, управляемое по моим законам. Аутогенезис здесь не является преступлением.

– Эта буровая платформа *была* независимым государством, – уточнила женщина. – Теперь она переходит в собственность «ВекТех». Правосудие молниеносно, господин Такеши. Наши юрроботы прервали действие вашей конституции через десять секунд после того, как господин Такеши (она посмотрела на фальшивого хозяина) сообщил нам о сложившемся здесь положении. Мы просто не имели никакого выбора. Квантовый судья рекомендовал заточить вас в Медленной Зоне на триста четырнадцать лет, а нам, как пострадавшей стороне, было предоставлено право привести приговор в исполнение. Вы также можете воспользоваться своим правом – на последнее слово.

Хозяин обернулся. Лицо Фальшивого хозяина напоминало восковую маску. Тогда Хозяин осторожно опустил кота на палубу и почесал меня между ушами.

– Присматривай за ними, – сказал он Фальшивому хозяину. – Я готов.

Средняя гусеница двигалась слишком быстро, чтобы я мог уследить за ней. Пальцы Хозяина на моей шее сначала больно стиснули шерсть, потом расслабились. Теплая жидкость обрызгала мой комбинезон. В воздухе распространился темный глубокий запах крови.

Хозяин упал. Я увидел, как его голова, окруженная чем-то вроде мыльного пузыря, уплывает в нутро гусеницы. Панцирь другой гусеницы раскрылся перед Фальшивым хозяином. Я начал понимать, что они, скорее всего, не вернутся.

Мы с котом остались одни на окровавленной палубе.

Кот будит меня, когда мы причаливаем к «Маркизу Карабасу». Наш муходрон исчезает в чреве цеппелина, как планктон в пасти кита. «Маркиз» представляет собой хрустальную сигару, хребет которой покрыт светло-синим гребнем из наносапфиров. В шести километрах под ней, весь в неоновых огнях, парит Быстрый Город, соединенный с кораблем нитями орбитальных лифтов. Я вижу снующих по ним лифтопауков и вздыхаю с облегчением: гости все еще продолжают прибывать, и

мы не слишком припозднились. Я перевожу мой личный файервол в режим полной блокировки входящих сообщений, чтобы их селевой поток не затопил мой разум.

Мы мчимся в лабораторию. Я готовлю к работе мозгосканер, пока кот осторожно, *очень* осторожно извлекает голову Хозяина из гель-контейнера. Фрактальные щупальца выпрастываются из гнездовищ сканера, на глазах обрастая щетинками молекулярных дизассемблеров. Я не в силах смотреть, как они пожирают плоть Хозяина, и трусливо убегаю в виртуальную реальность, где занимаюсь тем, для чего лучше всего приспособлен.

Через полчаса процесс завершен. Нанофабрикаторы выплевывают стопку черных дисков, и дроны уносят их в концертный зал. Металлические бабочки опять копошатся в моих кишках, сигнализируя, что пора делать макияж. Серджент оказывается в салоне, он ждет нас – и, судя по горке окурков на полу, уже довольно давно. Я морщу нос от нестерпимой вони.

– Вы опоздали, – констатирует импрессарио. – Хотел бы я знать, чем вы там, черт побери, развлекаетесь. У нашего шоу рейтинг выше, чем у прямой трансляции с дня рождения туринского клона.

– Ну надо же, – говорю я и позволяю Аннет обрызгать меня косметическим спреем. Он вызывает легкую щекотку и сильное чихание. Я с завистью смотрю на кота – тот ухитряется жить душа в душу со своим виртконсультантом по макияжу. – Никогда бы не подумал, что мы переплюнем самого Иисуса Христа.

Диджеев спешно одевает наш личный портной – последний человек, оставшийся работать на Севиль-роу.

– Хорошая кожа, – довольно отмечает Аннет. – Красное дерево с пурпурным оттенком.

Она что-то еще говорит, но я ее не слушаю.

В моей голове рождается музыка.

Голос моего Хозяина.

Вынужден признать, что кот спас меня.

Я так и не успел решить, покончить мне с собой или нет. У меня даже не было времени осознать, что происходит: кот кинулся вперед, вздыбив спину, и вцепился мне в нос. Нос будто углями обожгли, и это привело меня в бешенство. Я дико взвыл и стал гоняться за котом по всей палубе. В конце концов (не помню, сколько времени миновало) я свалился бездыханный и понял, что жутко хочу есть. Автоматическая кухня, вмонтированная в стену рубки, все еще работала, и я помнил, как попросить ее выдать мне корм. Но когда я поел и вернулся на палубу, тела Хозяина там уже не было: роботы-мусорщики выбросили его в море. Тогда я

понял, что Хозяин больше *никогда* не вернется.

Той ночью я спал в его кровати. Один. Все, что у меня тогда оставалось, это его божественный запах. И Малышка.

Она явилась ко мне на сонном берегу, но я не стал гоняться за ней. Она сидела на песок, смотрела на меня глазами, похожими на маленькие красные фонарики, и чего-то ждала.

– Почему? – спросил я. – За что они так обошлись с Хозяином?

– Ты не поймешь, – ответила она. – Ты еще не готов.

– Я хочу понять. Я хочу знать.

– Ну ладно, – сказала она. – Значит, так: ты знаешь, что все на свете оставляет след – как падающие листья или отпечатки чьих-то ног на песке. Эти следы можно прочесть и расшифровать. Представь, что ты преследуешь другого пса: ты знаешь, что он ел, где оставил метки, ты можешь догадаться обо всем, что он делал, по запаху. А люди научились читать мысли так, как ты читаешь запахи. Они могут записать их и воссоздать чей-то разум внутри машины. Помнишь тех людей без запаха, которые говорили с Хозяином с экрана? Это будет выглядеть точно так же. С той только разницей, что пес с экрана будет полностью уверен, что он – это *ты.*

– Но как такое возможно? – изумился я. – У него же не будет запаха.

– Он думает, что у него *есть* запах. Если ты знаешь, что делаешь, то можешь даже соорудить ему новое тело. Если ты умрешь, эта копия будет продолжать жить вместо тебя, и никто даже не заметит разницы. Люди в свое время славно наигрались в эти игры. Твой Хозяин был в числе первых. Очень давно. Были люди с механическими телами, люди, которые никогда не умрут, люди с телами большими и маленькими, – это зависело от того, сколько они соглашались заплатить, – и люди, которые умерли, а потом вернулись обратно.

Я попытался осмыслить сказанное ею. Без запахов все это казалось каким-то бредом. Но ее слова пробудили во мне отчаянную надежду.

– Это значит, что Хозяин тоже вернется обратно? – спросил я с мольбой.

– Нет. Твой Хозяин преступил людские законы. Когда люди открыли *мыслеформы-отпечатки лап*, они наделали множество копий самих себя. Некоторые существовали в неисчислимом множестве. Их было больше, чем песчинок на этом пляже. Воцарился хаос. В каждой машине, в каждом электронном устройстве поселились безумные мертвецы. Люди прозвали их *Полчищами*. Они боятся их. И не случайно. Подумай, как бы ты

себя вел, если бы в твоем Месте была тысяча собак – и только один Мяч.

От ужаса у меня глаза вылезли из орбит.

– Вот и люди испытывают такие же чувства, – подтвердила Малышка. – И тогда они приняли закон, по которому может существовать только одна копия личности единовременно. Те, кто изобрел эту технологию – «ВекТех», – поставили водяные знаки на разумы всех людей и разработали программное обеспечение для защиты от несанкционированного копирования. Но есть люди – и твой Хозяин среди них, – которые научились взламывать эту защиту.

– Фальшивый хозяин, – тихо сказал я.

– Да, – согласилась Малышка. – Он не хотел жить как нелегальная копия. И он превратил в нее… твоего Хозяина.

– Я хочу сделать так, чтобы Хозяин вернулся, – сказал я сердито. В моей груди что-то отчаянно колотилось, как птица в клетке.

– Кот тоже этого хочет, – мягко сказала Малышка. И тогда я впервые заметил, что кот тоже сидит на берегу и щурится на солнце. Затем он посмотрел на меня и издал долгое примирительное мурлыканье.

Малышка приходила к нам каждую ночь и обучала нас разным штукам.

Я больше всего любил уроки музыки. Малышка показала мне, как можно превращать музыку в запахи и находить в ней скрытые узоры, подобные следам неведомых зверей. Я изучал старые записи, которые любил слушать Хозяин, и перелопатил все библиотеки на его виртуальном сервере. Я научился составлять из них композиции, приятные для моего носа.

Я не помню, кто первым завел разговор о том, чтобы спасти Хозяина. Возможно, это был кот: общаться без затруднений мы могли только в стране снов, потому что там его мысли превращались в следы на песке. Может быть, об этом заговорила Малышка. Может быть, я. Мы провели много ночей, обсуждая и шлифуя наш план. Я не знаю, сколько точно. Но я уверен, что это началось именно там, на острове Малышки. Там мы стали стрелами, нацеленными в мишень.

Наконец мы сочли, что готовы в полной мере. Хозяйские роботы и нанофабрикаторы снабдили нас белокрылой птицей – глайдером, разработанным по некоммерческим спецификациям. В последнем моем сне я попрощался с Малышкой. Она что-то пробормотала себе под нос, выслушав мой план.

– Вспоминай меня иногда в своих снах, – сказала она.

– А ты что, не полетишь с нами? – огорчился я.

– Мое место здесь, – сказала она. – Мне пора уснуть… и видеть сны, быть может.

– Кто ты? – спросил я.

– Не все Полчища были рассеяны. Некоторые из них скрылись в космических просторах, и там сейчас возникли новые миры, заселенные ими. А здесь по-прежнему идет война. Может быть… может быть, ты однажды присоединишься ко мне. Там, где живут большие псы.

Существо усмехнулось.

– Припомнить мне, что ли, добрые старые деньки?

Оно устремилось в волны и стало удаляться от берега, превращаясь в большую собаку с белой шерстью, чьи мускулы перекатывались плавно и неслышно, как жидкость. Я последовал за ним. В первый и последний раз.

Когда мы покидали вышку, небо было серым. Я сбросил свой план в нейронный интерфейс кота и развернул схемы в боевых накладках перед его глазами. Мы пронеслись над черной водой и направились прочь от платформы. Постепенно она превратилась в маленькое пятнышко посреди океана. Следя за ней глазами, я вдруг с некоторым сожалением припомнил, что так и не нашел свой Мяч.

Потом раздался громоподобный хлопок. Фонтан темной воды поднялся к небесам и опал. Вышка исчезла. Я не расстроился. Я знал, что Малышки там больше нет.

На закате мы прибыли в Быстрый Город.

Я знал, чего ожидать, поскольку Малышка научила меня. Но я даже не мог себе представить, как все это выглядит в действительности. Башни в милю высотой, сотни самодостаточных миров внутри каждой из них. Искусственные плазменные солнца, парки деревьев бонсай, миниатюрные торговые центры. Там кишели миллиарды проворных карликов – люди, чьи сознания были выгружены в нанокомпьютеры размером не больше ногтя; бессмертные, не имевшие права потреблять ресурсы перенаселенной Земли в доле большей, чем церковная мышь. Город был заключен в радужное кольцо, где танцевали призраки – крылатые моравеки, скользившие вокруг нас, как человекоподобные бабочки. Остаточное тепло, исходившее от их ускоренных тел, окружало город, закутывая его в искусственные сумерки.

Электронный разум города направил нас к посадочной площадке. Нам еще повезло, что за панелью управления сидел кот. Я в тот миг был способен только с разинутой пастью созерцать все эти чудеса, опасаясь, что лавина звуков и запахов

накроет меня с головой. Мы продали свой глайдер мусорщикам и погрузились в городские дебри, чувствуя себя кем-то вроде чудовищ из фильмов про Годзиллу. Поисковые программы, которые перекачала в нашу память Малышка, безнадежно устарели, но еще были способны как-то направлять нас в паутине социальных сетей. Нам нужны были деньги. И, следовательно, работа.

Так я стал музыкантом.

Бальный зал оказывается битком набитой полусферой почти в самом центре корабля. Неисчислимые быстросущности вспыхивают и исчезают в воздухе, как живые свечи, а костюмы тех зрителей, что могут себе позволить физическое присутствие, столь же экзотичны. Женщина, одетая только в венок из осенней листвы, улыбается мне. Бродячие клоны увязываются за котом. Наши телохранители, мрачные гиганты в обсидиановой броне, прокладывают нам путь к сцене, где уже установлены несколько граммофонов. В толпе ширится легкий шорох. Воздух полнится призраками – аватарами миллионов бестелесных поклонников. Я держу хвост трубой. Запах сцены ужасает меня: смесь духов, выделений плотских оболочек и *незапахов*, источаемых телами моравеков. И… да, где-то здесь… запах падшего божества, запах Фальшивого хозяина.

Мы поднимаемся на сцену своим ходом, не забывая, впрочем, прихватить с собой экзоскелетную обувку. Лес граммофонов маячит под нами, их рога подобны золотым и бронзовым цветкам. Мы идем на мошенничество: музыка аналоговая, граммофоны аутентичны, только вот черные пластинки покрыты дополнительным слоем нанометровой толщины, а иглы усеяны квантовыми точками. Мы беремся за смычки и выслушиваем бурю аплодисментов.

– Благодарю вас, – говорю я, дождавшись, когда они затихнут. – Мы держали истинную цель этого концерта в тайне так долго, как могли. Я теперь должен признаться вам, что этот концерт посвящен памяти человека, ушедшего от нас.

В воздухе повисает напряжение, оно пахнет медью и железом.

– Мы потеряли одного человека, – повторяю я. – Его звали Такеши Шимода, и он ушел безвозвратно.

Кот утапливает кнопку, замыкает цепь и поворачивается к граммофонам. Я следую за ним в построенное нами место, где из запахов и звуков рождается музыка.

В этой музыке живет наш Хозяин.

У нас ушло пять человеческих лет, чтобы вскарабкаться на

вершину. Я любил бывать на людях: я мог уловить все их запахи и с непревзойденной точностью положить их на музыку. Вскоре я перестал быть огромной собакой-диджеем, а стал маленьким терьером в лесу танцующих человеческих ног.

Кот избрал карьеру гладиатора и преуспел в меньшей степени, но заработал достаточно, чтобы вскоре присоединиться ко мне в продюссировании виртуальных драм. Мы играли перед богатыми плотчиками в Быстром Городе, Токио и Нью-Йорке. Мне это нравилось. Я даже как-то раз повыл на земной диск в лунном небе над Морем Спокойствия. Но я всегда помнил, что это лишь первая фаза нашего великого плана.

Мы положили Его на музыку. «ВекТех» украл у нас Его мозг, Его память, Его разум. Но музыка принадлежала нам. Закон – это код. Миллиарды людей слышат голос нашего Хозяина. Миллиарды умов загружают внедренные в него вирусные петиции, которыми Домашние Законники будет теперь осыпать квантовых судей до тех пор, пока они не согласятся вернуть Его обратно.

Это самая прекрасная музыка, которую я написал в своей жизни. Кот продирается через дебри генетических алгоритмов, извлекает ведущие темы на свет, взращивает их и затем, как ястреб за добычей, устремляется вниз с головокружительной высоты этих звуков. Я лишь могу следовать за ним на этой охоте, в этой погоне ради погони, разделить с ним чистую радость, не замутненную тревогой насчет того, поймаю я его или нет.

Это наша лучшая программа.

Только когда музыка стихает, я понимаю, что никто ее не слышал. Аудитория замерла. Огоньки и Быстросущества повисли в воздухе, как бабочки, уловленные в янтарную смолу. Моравеки застыли недвижимо, как древние статуи.

Даже время остановилось.

Единственный звук в амфитеатре – хлопок пары ладоней.

– Я горжусь вами, – сообщает Фальшивый хозяин.

Я кладу смычок и усмехаюсь своей лучшей собачьей усмешкой, чувствуя, как мои кишки обращаются в ледяных змей. Запах бога накатывает на меня. Он говорит мне, что надлежит сделать. Я должен кубарем скатиться со сцены, поднять хвост трубой, подставить горло божеству, что стоит передо мною, и заслужить его ласку.

Но я этого не делаю.

– Приветик, япошка, – говорит Фальшивый хозяин.

Я сдерживаю низкое рычание, нарастающее в моей глотке, и перевожу его на язык людей:

– Что ты сделал?

– Мы давно вас подозревали. Бэкдоры в железе. Программа управления цифровыми авторскими правами.

Его лицо, словно бы вырезанное из красного дерева, не постарело ни на день. Он носит темный костюм и галстук с эмблемой «ВекТех». Но его глаза выдают фальшивого бога. Это глаза древнего старца.

– Я и впрямь впечатлен тем, что вам удалось сделать. Вы мастерски замели все следы. Мы уже думали, что это работа тех бестий из Полчищ. Но потом я догадался, что…

Его слова на миг заглушает далекий удар.

– Я обещал ему, что присмотрю за вами. Только поэтому вы до сих пор живы. Ва не следовало поступать подобным образом. Вы ему ничего не должны. Посмотрите на себя – кто мог подумать, что вы заберетесь так высоко? Вы что, готовы пожертвовать всем, что у вас теперь есть, ради какой-то атавистической *животной* верности? Впрочем, что это я? У вас нет никакого выбора. Ваш план провалился.

Кот шипит, как кипящий чайник.

– Ты не понял, сука, – говорю я. – Этот концерт – всего лишь обманный ход.

Кот движется со скоростью бело-желтой молнии. Один удар лапы, и голова Фальшивого хозяина слетает с плеч. Я обоняю запах крови, наконец заглушивший привязчивый божественный аромат. Кот облизывается. На его белой грудке остались розовые разводы.

Цеппелин сотрясает еще один взрыв, и броня из псевдоматерии начинает лихорадочно искрить. Темное небо над «Маркизом Карабасом» полно огнедышащих жуков. Мы мчимся между статуями людей и моравеков через весь бальный зал и затем в лабораторию.

Кот берет на себя всю грязную работу, и у меня еще остается время сбежать в виртуальность.

Я не знаю, как Хозяин сделал это. Тогда, много лет назад. Как ему удалось снять блокирующие копирование водяные метки «ВекТеха» со своего разума. Я не могу повторить его подвиг, как бы внимательно ни слушал уроки Малышки. Итак, я должен прибегнуть к последнему мошенничеству. Немаркированные фрагменты надо раздобыть где-нибудь в другом месте. Например, в мозгу Фальшивого хозяина.

Та часть меня, что родилась на острове Малышки, берет управление на себя и складывает два узора в готовый паззл. Они соединяются. На краткий миг голос Хозяина звучит в моем мозгу. Теперь он опять настоящий.

Кот уже облачился в свой гладиаторский костюм и ждет меня. Я одеваю свой. Вокруг нас рушится «Маркиз Карабас». Чтобы отправить Хозяина в путешествие, пришлось пожертвовать электронной начинкой брони.

Кот издает требовательное мяуканье и протягивает мне какую-то красную штуку. Я узнаю ее. Старый пластиковый мячик со следами собачьих зубов, пропахший солнцем и морем. Внутри перекатывается пригоршня песка.

– Спасибо, – говорю я.

Кот молчит. В оболочке цеппелина раскрывается дверь. Я выкрикиваю команду.

И вот Хозяин уже превращается в нейтринный поток, нацеленный в планету под нами. Прямо на остров в глубоком синем море. Это как раз там, где боги и большие псы живут вечно.

Мы проходим через эту дверь бок о бок и ныряем вниз, в светлое пламя.